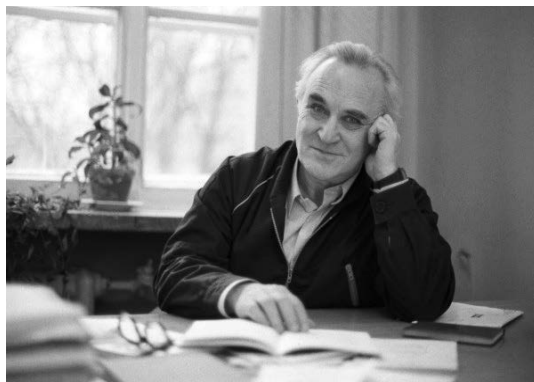


DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.8
EDN: RUMBPA



*Я.У. АСТАФЬЕВ¹, Е.Д. ВОЗНЕСЕНСКАЯ²,
О.Ф. ФИРСОВА³*

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, стр. 1.

² Независимый исследователь.
Москва.

³ Независимый исследователь.
Хеерлен. Нидерланды.

ВСПОМИНАЯ СЕГОДНЯ ВЛАДИМИРА ШУБКИНА

Аннотация. Публикуются воспоминания сотрудников и учеников одного из основоположников советской социологии В.Н. Шубкина (1923–2010), инициировавшего в 1960-х гг. лонгитюдные исследования процессов перехода молодежи от образования к труду. Обсуждаются взгляды ученого на социологическую теорию, методологию социального знания. Рассказывается о взаимоотношениях исследователя с учениками, коллегами, представителями власти.

Ключевые слова: В.Н. Шубкин; советская социология; социологическая теория; молодежь; образование; трудоустройство.

Для цитирования: Астафьев Я.У., Вознесенская Е.Д., Фирсова О.Ф. Вспоминая сегодня Владимира Шубкина // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 3. С. 132–145. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.8 EDN: RUMBPA

Янис Астафьев, кандидат социологических наук.

Вообще говоря, интересное было поколение, к которому принадлежал Владимир Николаевич Шубкин. Эти люди нам многое недого-

варивали — и про сталинский ГУЛАГ, и про то, как в советское время строились отношения с заказчиками исследований, они же власти предрешающие. Но по сравнению с поколением тех, кто родился еще до революции, это были свободные, полностью дееспособные и целиком раскрепощенные люди. По контрасту, хорошо помню своего деда 1899 года рождения. Его отца (моего прадеда) расстреляли в 1918-м как полковника Царской армии. Родным даже не сообщили место захоронения, выдали только его портсигар. (Все-таки даже среди чекистов попадались совестливые люди!) Так вот, мой дед всю свою жизнь ставил выключатели верхнего света не возле дверей, как все обычные люди, а в глубине комнаты, чтобы вошедшие с обыском не смогли тут же осветить помещение. Мой дед всю свою жизнь молчал, ничего не рассказывал и ничему не верил. Ни хрущевским, ни горбачевским реформам. Он всего навидался и внутренне, полагаю, был всегда готов к самому худшему.

Поколение Шубкина, конечно, тоже испытало на себе «советский каток», но было куда свободнее. Помню его разговоры о репрессированном отце, рассказы о стычках с советскими функционерами, вмешавшимися в проведение исследований, публикации текстов. Но в то же время у них не было ощущения тупика, свойственного нашему поколению в те годы. Они были, что называется, «на коне», умели управлять ситуацией, знали, к кому можно обратиться, чтобы провести опрос, опубликовать статью, «продать» монографию. Характерна позиция властей того времени в изложении Владимира Николаевича: при всей прочности марксистской доктрины и главенстве КПСС многие их представители понимали, что есть иная, полная правда о жизни советского народа, не укладывающаяся в схемы.

В этом плане Шубкин был одним из апологетов этой правды. Он всегда настаивал на том, что главным в науке является факт, добытый в полевом исследовании, а не теоретические рассуждения, пусть даже в их основе лежит самая верная, все объясняющая доктрина.

Я, собственно, пришел к Шубкину, чтобы сделать диссертацию. До этого успел поработать в секторе социологических исследований Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ) под руководством Алексея Левинсона. К нему я попал сразу же после окончания института, получив специальность инженер-экономист дорожного строительства (!). Конечно, ни о какой социологии — как большой сложившейся науке, а не части марксистско-ленинской доктрины — я не имел ни малейшего понятия. Познакомила меня с Левинсоном моя теща — Мариэтта Чудакова, которая его знала благодаря своим коллегам и соратникам Льву Гудкову и Борису Дубину. Левинсон был учеником и сотрудником по ИКСИ Юрия Левады, а тот, в свою очередь, — старинным близким другом Владимира Николаевича. Так через «несколько рукопожатий» я «вы-

шел» на Шубкина. В то время главным при поиске работы в наших кругах были не столько дипломы, справки и формальные характеристики, сколько личное знакомство с надлежащими людьми и их ручательство.

Левинсон обучил меня азам полевых исследований, механизмам построения выборки, создания анкеты, учета и подсчета данных. Лев Гудков (нынешний руководитель Левада-Центра), имея философское образование, привил вкус к теории, неокантианскому сомнению в «правде факта». Именно на этой почве у нас возникали некоторые эпистемологические расхождения с Владимиром Николаевичем, который в общении со мной предпочитал настаивать на фундаментальном первенстве эмпирики.

Впрочем, эти расхождения не были, как тогда говорили, ортодоксальными. Думаю, указывая в наших разговорах на первоочередную значимость эмпирических данных в сравнении с теоретическими построениями, он, как мудрый руководитель, хотел лишь скорректировать новичка, слишком зарвавшегося в своей вере в принципы и методы работы в социологической науке, привитые главным образом Гудковым. Сам Шубкин был не чужд теории, о чем свидетельствовала написанная им еще в 1960-е гг. книга «Социологические опыты» с характерным подзаголовком «Методологические вопросы социальных исследований» [1]. Он также обоснованно сомневался и в самой «правде факта», утверждая в нашумевшей в свое время новомирской статье «Пределы» (1978) [2], что социолог изучает среднестатистического человека в среднестатистической ситуации. Вызвано это было тем, писал автор, что социология возрождалась в нашей стране как наука исключительно дискурсивная, то есть широко использующая статистические и математические методы, что, отметим в скобках, было вполне понятно и обосновано в условиях партийно-идеологического диктата. В результате советские социологи имели предметом изучения не реального субъекта, а его модель, «вагранку». Понять же человека более объемно науке могла бы помочь художественная литература методом интуитивного познания, постижения.

В связи с этим вспоминается один из любимых Шубкиным афоризмов Козьмы Пруtkова: «Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя».

Эти его идеи, а также мои штудии как неокантианцев, так и некоторых западных социологов — апологетов качественных методов, а также философов-постмодернистов легли в основу моей попытки создать нечто вроде доктрины «постмодернистской социологии», в которой Владимир Николаевич тут же обнаружил свой «след» и остроумно ее раскритиковал, предложив отделять «котлеты» от «мух» и не смешивать их. Но это было уже после моего прохождения очной аспирантуры, когда я стал полноценным его сотрудником.

В аспирантуру я поступил в 1988 г., тогда еще в Институт международного рабочего движения, который в то время был одним из передовых научных заведений гуманитарного профиля СССР. В нем находили свое пристанище многие из ученых, предпочитавших мыслить и работать вне марксистско-ленинской доктрины, не «жевать идеологическую жвачку», а познавать реальный мир, описывать его адекватными методами. Здесь в разное время работали такие далекие от рабочего движения люди, как Мераб Мамардашвили, Пиама Гайдено, Александр Ахиезер, Юрий Карякин, Леонид Володарский, Виталий Вульф. Здесь же после разгона ИКСИ осел в свое время Шубкин. Формально он продолжил заниматься своим «фирменным» делом — исследованием перехода молодежи от образования к труду. Содержательно же — всем тем, что было с ним связано по принципу смежности. В частности, я начал писать диссертацию по модной тогда теме — неформальным молодежным объединениям. Владимир Николаевич совершенно не препятствовал мне в выборе тематики. Собственно, свои рекомендации он выразил одним предложением: «Имейте в виду, Янис, главное: диссертация должна состоять из трех глав, а каждая глава — из трех параграфов».

Но время шло, и к моменту окончания моей учебы в аспирантуре в 1991 г. тема, что называется, «протухла». В стране стремительно нарождались и развивались новые реалии. То, что еще вчера казалось живым и актуальным, сегодня уходило в небытие. На этом фоне Шубкин предложил мне заняться более фундаментальными вопросами — воспроизводством социального знания, к чему я имел тогда выраженную склонность. В результате мы сформулировали новую тему диссертации: «Современные тенденции развития социологии знания». Ее я написал уже будучи сотрудником Института социологии РАН и защитил в диссертационном совете В.А. Ядова в 1995 г. Надо сказать, что насколько толерантным был Владимир Николаевич в общении со своими сотрудниками, в выборе ими направлений исследования и т. д., настолько яростен и нетерпим он был в защите их штудий. Подозреваю, что он со многим был не согласен в моей диссертации, но на защите проявил себя как лев, сражающийся за свою добычу. Понятно, что даже в то время в диссертационный совет Ядова входили не только сторонники и соратники Шубкина, но и люди, которым были откровенно чужды как его взгляды, так и исследования — и самого Шубкина, и его сотрудников. Возможно, именно поэтому на защите мне кинули в корзину два черных шара (хотя не могу утверждать достоверно — диссертация была все-таки ученическая и, в отличие от исследований самого Владимира Николаевича, страдала отсутствием эмпирического материала). Но тем не менее защита состоялась, в числе официальных оппонентов у меня был Ю.А. Левада, дополнительный отзыв написал замечательный ученый Алексей Салмин. В общем, наша взяла!

Но надо сказать, что этим, к сожалению, и закончилось мое первое общение с Владимиром Николаевичем. В Институте социологии тогда платили мало (слишком мало!), мне подвернулась работа в отделе маркетинга коммерческой фирмы, и я, не без взаимного сожаления, покинул Шубкина и его сотрудников.

Владимир Николаевич очень трепетно относился к подбору сотрудников. В его подразделении случайных людей не было. Интересно отметить, что всю жизнь в его окружении преобладали женщины. Он даже повесил у себя в кабинете репродукцию картины Гойи «Марионетка» (которая до сих пор висит в комнате № 505 Института социологии на Кржижановского, 24/35, корп. 5), где изображено, как несколько женщин, держась за края покрывала, подбрасывают вверх молодого человека в парике. Шубкин говорил, что она очень хорошо характеризует его группу. Это, конечно, шутка, но в ней есть большая доля правды.

Владимир Николаевич был очень сильной личностью. Он мог нуждаться прежде всего в последователях, но не в соратниках. Его всегда сопровождали люди, которые преданно реализовывали его планы, идеи, продвигали и оформляли его проекты, постепенно обретая уверенный, самостоятельный почерк. Таков, например, путь в социологии Галины Чередниченко, верного единомышленника и соавтора Шубкина. Помню, какое впечатление на меня произвела их совместная книга «Молодежь вступает в жизнь» [3].

На моей памяти такой была и Ольга Фирсова — молодой, способный ученый, в совершенстве знавшая английский язык и переводившая для Шубкина любые тексты. Она написала диссертацию у Шубкина и вскоре уехала в Нидерланды, оставив Владимира Николаевича на меня как (якобы) знатока английского языка. Последовавшая в 1991 г. на территории одной гостиницы в московском районе Ясенево международная конференция по вопросам перехода молодежи от образования к труду, где мне пришлось излагать идеи шефа на языке международного общения, показала практически полную мою несостоятельность в этом плане. К счастью, Шубкин не только не раскритиковал меня, но и поддержал, всячески способствуя донесению его мыслей до аудитории при помощи моего английского «воляпюка».

Другой сотрудницей, помогавшей Владимиру Николаевичу в реализации его замыслов и бравшей на себя многочисленные функции по оформлению отчетов, запросов, писем, обработке результатов исследований, стала на моей памяти Вероника Иванова. Это было уже начало 2000-х гг., когда я вернулся в Институт социологии, чтобы принять участие в последнем крупном проекте Шубкина — исследовании катастрофического сознания.

Надо сказать, что сама эта тема возникла не случайно, а в связи с другим старинным другом Владимира Николаевича — Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом. С ним Шубкин был знаком еще по работе в Новосибирске. Дружба у них сложилась тесная, Владимир Николаевич даже называл его в шутку «Шляп». Из Новосибирска Шляпентох перебрался вместе с Шубкиным в ИКСИ, а затем, после разгрома института, спустя какое-то время эмигрировал в США.

В середине 1990-х Владимир Эммануилович совместно с Владимиром Николаевичем инициировали международный проект изучения катастрофического сознания. Друзья поделили между собой задачи: Шляпентох с сотрудниками университета Ист-Лэнсинг (США) сосредоточился на теоретической разработке, а Шубкин занялся методической частью. В конце 1990-х по анкете Владимира Николаевича было проведено исследование по репрезентативной выборке в нескольких регионах России, затем они были повторены в Литве, Болгарии и на Украине.

Когда я вернулся в институт, Центр изучения катастрофического сознания, которым руководил Шубкин, располагал уже внушительным массивом данных. Надо сказать, что важнейшим моментом, на котором настаивали руководители исследования, была необходимость периодического их повторения с целью установления динамики изменения структуры и интенсивности страхов и тревог населения. Поскольку Вероника Иванова имела тесные связи и контакты с Фондом «Общественное мнение», было принято решение провести повторное исследование на базе последнего, что и было сделано в 2003 г. По существу, оно явилось последним проектом Шубкина. Его результаты, а также их изучение в сопоставлении с данными предыдущих опросов были главным образом изложены в коллективной монографии «Страхи и тревоги россиян» (2004) [4], в которой я также принял деятельное участие. Подробно о проекте можно прочитать в августовском номере «Социологических исследований».

И конечно, нельзя не упомянуть многолетнего соратника, соавтора и идейного преемника Шубкина — Давида Константиновского. Его Владимир Николаевич шутливо именовал «Дод», что говорило о его особенном расположении, так как прозвища Шубкин давал только самым близким людям. С Константиновским я познакомился, уже работая в Институте социологии, он присутствовал на защите моей диссертации и потом, в кулуарах, сказал мне много теплых и проникновенных слов...

Елена Вознесенская, кандидат исторических наук.

Собирал Владимир Николаевич Шубкин свою команду, мне кажется, в первую очередь из людей порядочных. Приглашал к сотрудничеству только если доверял их человеческим качествам, быть может,

даже более, чем профессиональным. Если приходила к нему еще неопытная молодежь, то вел ее в работе очень последовательно и осторожно, начиная со служебных, подсобных заданий. Часто это были только переводы иностранных трудов. Сам он иностранными языками не владел, но всегда следил за мировой социологической мыслью и был открыт к контактам с зарубежным социологическим сообществом, о чем свидетельствует весь его опыт международного сотрудничества.

Мне, тогда м.н.с., всегда приходилось подрабатывать. Давала частные уроки французского языка, реферировала польские книги для ИНИОНа или печатала на машинке — так, по-любительски. И когда Шубкин попросил меня расшифровать рукопись его отца, я взялась. Помню, Владимир Николаевич говорил, что он обязан это сделать, что это его долг. Расшифровка — очень кропотливая, но и вдохновляющая работа. Пока ты набираешь слово за словом (конечно, если не печатать профессионально, «вслепую»), вчитываешься в текст так глубоко, как никогда не получится при простом прочтении. Из рукописи я очень многое поняла про своего профессора. Он был верным сыном своего отца — русского интеллигента, высокого профессионала в своем педагогическом деле, порядочного и до безрассудства совестливого человека. Отец Владимира Николаевича был репрессирован и расстрелян. Книга вышла, она «висит» в Интернете: «Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии» [5]. Кстати, предисловие Владимира Николаевича к книге, вышедшей в 1998 г., посвященное болезненным проблемам образования в нашей стране, читается так, будто написано сегодня.

Шеф подарил мне уже вышедшую книгу с автографом: «Леночке Вознесенской — все, что могу». За этим трогательно скромным «все, что могу» — весь Шубкин. На самом деле он дал мне невероятно много: учил профессии, социологическому мышлению, учил писать, отделять зерна от плевел, поддерживал, покровительствовал.

Смелость, стойкость Шубкина и в житейском поведении, и в профессиональном во многом определяется для меня тремя его характеристиками: сибиряк; человек, прошедший всю войну через грязные окопы и тяжелые ранения; сын «врага народа». Как-то в ИМРД против него сплели интригу местные негодяи — будто он собирается эмигрировать, ведь у него жена еврейка. Услышав случайно эту чушь, я побежала к шефу — предупредить. «Я пролил за эту страну ведро крови, — был его ответ, — и никогда и никуда из нее не уеду». Этот образ — *ведро крови* — врезался мне в память.

В какой-то момент Шубкин настоял на том, чтобы я писала кандидатскую. Решили воспользоваться моим французским. И сюжеты перехода от образования к труду хорошо ложились на молодежь Франции. Во Франции я никогда не была и не могла быть — такие времена! Вся работа строилась на социологической и исторической

литературе, которую могла добыть. Работала не спеша, Владимир Николаевич не подгонял, время от времени требовал предоставить ему какой-нибудь текст по теме, статью, главу, в основном считал страницы! Критики его я не помню. Это было даже тяжело, я завидовала другим диссертантам, у которых научные руководители «зависали» над каждым абзацем. А здесь — вся ответственность на тебе! Но — на защите! Достаточно было в конференц-зале появиться Владимиру Николаевичу при полном параде, в костюме, при галстукe (может быть, даже при военных орденах, точно не помню), как Ученому совету и всем присутствующим немедленно становилось ясно: качество представляемой работы не вызывает никаких сомнений и безусловно заслуживает... Таков был авторитет этого человека, а также та невидимая нам его сложная политически-бюрократическая работа по обеспечению нужной расстановки сил на защите. Спасибо, Владимир Николаевич! Под его научным руководством мы писали и защищали свои диссертации, а нас защищал Шубкин. ОН был нашей защитой.

Не сказать, что Владимир Николаевич был человеком безупречным. Гневливость — качество, о котором он сам сокрушался вслух, при нас и всячески его искоренял в себе до последнего, однако случалось... Но поскольку мы были оповещены, то и реакция наша была адекватной, долго мы зла не держали, понимали.

Иногда, крайне редко, у него возникала потребность взяться за наведение дисциплины среди нас, видимо, в связи с какой-нибудь очередной кампанией, спущенной сверху. Однажды меня даже лишили какой-то копеечной премии. Было так обидно, что я бросилась в его кабинетик и стала выговаривать со слезами: «За что?! И так три копейки! Мы ведь так доверяем друг другу!». Оказалось, что я слишком часто пропускаю присутственные дни или слишком часто опаздываю, — сказал это шеф виновато, не глядя в глаза. Было ясно: с трудом играл роль строгого начальника. Как ему, бедолаге, было неловко, и как робко он вел себя во всей этой истории! То есть этот случай показывает, что при абсолютном неравенстве масштаба личности (где он, где я?), демократ Шубкин обеспечивал полную свободу и равноправие во взаимоотношениях — с ним можно было и «поцапаться»!

Хотелось бы также вспомнить и напомнить нам всем: Владимир Шубкин был на редкость красив! Мужской, рыцарской красотой!

Ольга Фирсова, кандидат исторических наук.

«Ближний свет — дальний свет». Так называлась повесть, опубликованная Владимиром Николаевичем Шубкиным в литературном журнале в годы, когда я работала в его команде («Алтай», 1988, № 1). Тогда меня немного удивил сам факт переключения с науки на литературу, она в моей жизни существовала отдельно и с работой пересекалась мало. Когда я села за руль автомобиля, название этой

повести наполнилось для меня новым смыслом, стало действием, отдельным от того, о чем рассказывал Шубкин, из литературы оно как бы перешло в жизнь, но авторство самого Шубкина сохранилось. Переключение с ближнего на дальний свет превратилось в привет от Владимира Николаевича, моего первого научного руководителя, одного из Больших Ученых в моей профессиональной жизни, о ком я сразу знала, что это Большой Ученый, создавший что-то важное и значительное, пусть я и не понимала тогда, что именно. Метафора из автодорожной стихии поможет описать, каким я помню Владимира Николаевича, кем он для меня был и остается.

Ближний свет. Моя работа у Шубкина и с Шубкиным началась с переводов с английского. Не помню, как оказывались в руках Шубкина тексты, которые надо было перевести, не помню, как шел сам процесс перевода и подготовки текста в докомпьютерные времена, не помню, чтобы мы подробно об этих текстах разговаривали, да и о качестве собственной работы или оценке этого качества ничего сказать не могу, но помню, что текстов, научных статей из журналов для перевода было много и что статьи эти были мне с моим только что законченным инязом интересны и сложны, они постоянно открывали мне что-то новое, на понятийном уровне до того неведанное, непробованное. Ощущение было, что эти переводы меня заполняли и переполняли, что я больше читала и училась, чем переводила и работала над текстом, хотя последнее тоже было очень непросто и существенно. Помню очень ясно, как иду Чистопрудным бульваром к Колпачному переулку от метро и напряженно думаю о системе материалистических и постматериалистических ценностей, о том, что я понимаю под тем, о чем писал Рональд Инглхарт, очередной текст которого Владимир Николаевич просил срочно перевести. Что срочно, тоже помню, сроки всегда висели, как дамклов меч, поручения Владимира Николаевича, без особых слов, требовали действия, действовать надо было четко, быстро, на размышления и разговоры времени не отводилось. Именно те переводы о протестантской этике, о постматериалистических ценностях и нравственных нормах стали важной частью моих собственных университетов, а те раздумья по дороге на работу о том, что входит в мою личную систему ценностей, о чем хорошо бы почитать и поговорить, — моими семинарами по философской этике.

Переключаю свою память на дальний свет, смотрю из сегодняшнего дня, чем, при всем их ученическом несовершенстве, могли быть полезны те переводы Владимиру Николаевичу. Нового мира, как это было со мной, они, разумеется, не открывали, но вполне могли быть полезны как свежая информация о новейших лонгитюдных исследованиях, отслеживающих изменения в системах ценностей и мировоззрении людей в глобальных масштабах. Пожалуй, и то, что они каким-то постоянным потоком изливались на меня и были при

этом так познавательны, совсем случайным не было. Так Владимир Николаевич учил учиться.

Снова включаю ближний свет. Пожалуй, еще буквальнее частью моей подготовки к дальнейшей профессиональной жизни было участие в поддержании обширных зарубежных контактов Владимира Николаевича. Бесконечные письма с отказом принять приглашение на международную конференцию, реакции на поздравления с Рождеством, собственные поздравления с Рождеством и новогодними праздниками огромному кругу людей на протяжении всего января, ответы на какие-то вопросы и предложения... Насколько я помню, письма сначала придумывались и конструировались с моим некоторым участием, а потом уже следовал перевод, который иногда дорабатывался вместе. Запомнилось, что это был интенсивный совместный процесс, в котором и адресат был важен, и стиль, и содержание, даже во вполне стандартных ситуациях. И мое участие в этом, по сути, незамысловатом и где-то канцелярском действе запомнилось как вполне содержательное. Так и осталась эта привычка конструировать любые тексты, думать об адресате, того же требовать от студентов.

С участия в качестве переводчика в переписке Владимира Николаевича с огромным, тогда еще только приоткрывающимся и для меня скорее теоретически существующим большим миром началась и полноценная совместная работа в международном проекте, ставшая для меня первым опытом.

«Оля, Мадрид стоит мессы» — именно так Владимир Николаевич решительно и строго объявил, что мы вместо того, чтобы сочинять очередной вежливый отказ в ответ на приглашение из европейского научного центра, будем оформлять документы. И мы действительно поехали вместе в Мадрид и участвовали в мероприятии, на котором не было формальных выступлений, а был открытый деловой общий разговор об исследовательских вопросах, на которые можно было бы совместно ответить в рамках общеевропейского проекта, о том, как это можно сделать, что конкретно мог каждый из присутствующих предложить, взять на себя и реально осуществить. Это был опыт нового для меня общения на равных с людьми разных стран и культур, с учеными, небольшая часть которых были давние коллеги и друзья Владимира Николаевича, а большинство — из менее знакомого зарубежного далека, хотя некоторые имена были известны по переводам и прочитанным публикациям. Как же внове было, что это оказались живые люди, с которыми ведешь разговор, споришь, договариваешься, потом начинается исследовательская работа, в ходе которой и выполняешь эти договоренности. А незнакомые люди становятся коллегами, с кем регулярно общаешься в разных странах, во время профессиональных встреч, за завтраком или ужином, с кем разговариваешь и о совместной работе, и о семье, жизни, переменах в этой жизни, о политике, и не

только. Владимира Николаевича слушали внимательно. Он охотно объяснял, что происходит в нашем мире, реагировал на вопросы, сам спрашивал. По-моему, он вызывал уважение, причем не статусное или возрастное, а именно благодаря этим разговорам на равных. Мне было интересно и ново участвовать в таких разговорах, и, по-моему, их содержательность была не совсем тривиальной и для Владимира Николаевича при всем его опыте общения в самых разных академических кругах, при дружбе с учеными и чиновниками от науки из разных стран. Кажется, мы даже говорили об этом, впрочем, может быть, это я дофантазировала задним числом.

Из той поездки и международной встречи действительно родился международный проект, мое первое самостоятельное «большое плавание». Владимир Николаевич именно так и говорил о своей задаче научного руководителя — бросить молодого сотрудника в воду на глубину и дать самостоятельно выплывать. Он повторял это достаточно часто, приводя чрезвычайно успешные примеры, что тогда меня несколько озадачивало и, наверное, пугало бы, если бы те самые успешные его ученики и коллеги не были рядом.

В той первой совместной поездке мне посчастливилось еще и прогулять с Владимиром Николаевичем по мадридским бульварам, послушать его рассказы и вместе с ним поудивляться особенностям западной жизни, где происходят всеобщие забастовки, как та, что не дала нам тогда улететь из Мадрида в запланированный срок и подарила еще один день прогулок и общения. Владимир Николаевич вспоминал свой опыт знакомства с Парижем 1968 года на фоне студенческих волнений. Тогда же, за покупкой подарков детям, приоткрылась мне немного и личная сторона Шубкина. Помню, с каким бесконечным уважением и восхищением Владимир Николаевич говорил о профессиональных успехах своей дочери. Мне сегодняшней это близко и понятно, возможно, значительно понятней, чем тогда, когда меня саму ждала дома трехлетняя дочка.

Личных и теплых моментов общения было не так много, но они и остаются в памяти. Помню гостеприимный стол в доме Ирины Павловны и Владимира Николаевича, служивший по совместительству и рабочим местом для них обоих. Помню рассказы о расстрелянном в Барнауле отце, о том, как чувство чести не позволило тому попробовать убежать, сохранить жизнь, когда угроза ареста перестала быть только угрозой.

Помню, как Владимир Николаевич резко открывал дверь и энергично входил в комнатушку, куда были втиснуты узкий диванчик и несколько рабочих столов, где за ними и между ними в делах и разговорах, за неспешным чаепитием под стук пишущей машинки, за чтением сидели и стояли члены его маленькой команды — сотрудники сектора молодежи. И вдруг все как-то взбадривались, подтягивались,

расправляли плечи, возникало какое-то движение, откуда-то «дуло», сразу что-то менялось. Что бы ни следовало потом — давалось ли конкретное поручение кому-то, звучало ли чье-то имя и приглашение зайти к нему в кабинет, такую же маленькую комнатенку по соседству, следовало ли обращение ко всем, или сам Владимир Николаевич присаживался выпить чаю, — спокойное, пусть и тесноватое пространство оживало, наполнялось движением и энергией.

И снова включаю дальний свет. Владимир Николаевич, каким я его помню, всегда излучал энергию и силу, причем силу умную и положительную. То, что он говорил и делал, было значимо, обдуманно, решительно, весомо. Как ни коротко было наше интенсивное общение, именно этим он запомнился больше всего. Храню в сердце благодарность Владимиру Николаевичу за то, что взял в свою команду, за то, что не опекал, а вел за собой, заваливал работой, позволил плавать сразу на глубине, не оставил времени и места для сомнений в результатах.

Потом была долгая, интересная, другая жизнь, в которой было много встреч, повезло общаться и работать с разными людьми, в том числе и с большими учеными, учиться у них, учить других тому, чему посчастливилось научиться. Попробую определить место, которое в этой жизни принадлежит Владимиру Николаевичу Шубкину, с помощью еще одной автомобильно-дорожной метафоры. Она приходит на ум не только из-за литературной публикации, скорее, потому, что Владимир Николаевич вообще был одним из первых знакомых мне лично опытных автомобилистов. Можно сказать, что с его легкой руки, заручившись его вниманием и поддержкой на старте, потихоньку отпустила сцепление, нажала на газ, перешла с первой на вторую, потом на четвертую скорость и отправилась в свой путь, храня в сердце благодарность и память, переключая по мере необходимости свет с ближнего на дальний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шубкин В.Н. Социологические опыты. (Методологические вопросы социальных исследований). М.: Мысль, 1970. — 288 с.
2. Шубкин В.Н. Пределы // Новый мир. 1978. № 2. С. 187–217.
3. Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. — 240 с.
4. Страхи и тревоги россиян: Сборник статей / Институт социологии РАН; [Составители: В.Н. Шубкин и др.; Предисл.: В.А. Иванова, Я.У. Астафьев]. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. — 216 с.
5. Шубкин Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии: Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы / Публ., предисл. и послесл. В.Н. Шубкина. СПб.: РХГИ, 1998. — 665 с.

6. Шубкин В.Н. Пашкин подарок: повести. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. — 220 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астафьев Янис Улдисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии образования, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (926) 914-06-16. **Электронная почта:** ayanis@mail.ru

Вознесенская Елена Дмитриевна — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Телефон: +7 (916) 610-13-51. **Электронная почта:** maslovka3@mail.ru

Фирсова Ольга Фридриховна — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Дата поступления: 30.08.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.

VOL. 29. No. 3. P. 132–145. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.8

Personality

YANIS U. ASTAFIEV¹, ELENA D. VOZNESENSKAYA², OLGA F. FIRSOVA³

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, bl. 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

² Independent researcher.

Moscow, Russian Federation.

³ Independent researcher.

Heerlen, Netherlands.

TODAY WE REMEMBER VLADIMIR SHUBKIN

Annotation. The memoirs of colleagues and students of V.N. Shubkin (1923–2010), one of the founders of Soviet sociology, who in the 1960's initiated longitudinal studies of the processes of young people transitioning from education to labor, are published. The article discusses the scientist's views on sociological theory and the methodology of social knowledge. The researcher's relations with students, colleagues, government officials are described.

Keywords: V.N. Shubkin; Soviet sociology; sociological theory; youth; education; employment.

For citation: Astafiev, Ya. U., Voznesenskaya, E. D., Firsova, O. F. Today we Remember Vladimir Shubkin. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 3. P. 132–145. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.8

REFERENCES

1. Shubkin V.N. *Sotsiologicheskie opyty. (Metodologicheskie voprosy sotsial'nykh issledovaniy).* [Sociological experiments. (Methodological issues of social research).] Moscow: Mysl' publ., 1970. 288 p. (In Russ.)
2. Shubkin V.N. Limits. *Novyi mir.* 1978. No. 2. P. 187–217. (In Russ.)
3. Cherednichenko G.A., Shubkin V.N. *Molodezh' vstupaet v zhizn' (sotsiologicheskie issledovaniya problem vybora professii i trudoustroistva).* [Youth enters into life (sociological studies of the problems of choosing a profession and employment).] Moscow: Mysl' publ., 1985. 240 p. (In Russ.)
4. *Strakhi i trevogi rossiyan: Sbornik statei.* [Russians' fears and anxieties: Collection of articles.] Institute of Sociology RAS; [Comp.: V.N. Shubkin and others; Foreword: V.A. Ivanova, Ya.U. Astafiev]. St Petersburg: Izd-vo RKhGI publ., 2004. 216 p. (In Russ.)
5. Shubkin N.F. *Povsednevnyaya zhizn' staroi russkoi gimnazii: Iz dnevnika slovesnika N.F. Shubkina za 1911–1915 gody.* [Everyday life of an old Russian gymnasium: From the diary of a philologist N.F. Shubkin for 1911–1915.] Publ., foreword and after. by V.N. Shubkin. St Petersburg: RKhGI publ., 1998. 665 p. (In Russ.)
6. Shubkin V.N. *Pashkin podarok: Povesti.* [Pashkin's gift: Stories.] Moscow: Izd-vo In-ta sotsiologii RAN publ., 1999. 220 p. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yanis U. Astafiev — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (926) 914-06-16. **Email:** ayanis@mail.ru

Elena D. Voznesenskaya — Candidate of Historical Sciences, Independent researcher. **Phone:** +7 (916) 610-13-51. **Email:** maslovka3@mail.ru

Olga F. Firsova — Candidate of Historical Sciences, Independent researcher.

Received: 30.08.2023.
